

Биткивская Г.В. ©

Докторант, кафедра украинской литературы, компаративистики и социальных коммуникаций
Киевский университет имени Бориса Гринченко

ОБРАЗ ДРУГОГО В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЖУРНАЛЕ

Аннотация

В статье исследуется образ Другого в пространстве современного литературного журнала. Показано влияние межтекстовых связей на расширение семантики образа Другого.

Ключевые слова: Другой / Свой, образ Другого, межтекстовые связи, пространство журнала.

Keywords: the Other / the Insider, the image of the Other, crosstexts dialogue, journal space.

Изучение образа Другого, как отмечается в имагологических работах, является междисциплинарной сферой, поскольку, кроме литературных, привлекаются и культурологические, социальные, антропологические и др. вопросы [2; 5]. Видный французский ученый Даниэль-Анри Пажо обоснованно считает, что компаративист обязан «скрестить собственные методы с другими», привлечь для анализа, кроме литературы, прессу, пара-литературу, эстампы, фильмы, карикатуры и т.п., чтобы рассмотреть литературный образ как «ансамбль идей о Другом» в социокультурном контексте [5, 398]. В этом плане литературный журнал, сочетающий в своем пространстве художественный и нехудожественный дискурсы, вербальные и визуальные тексты, может быть весьма интересным объектом исследования.

Целью данной статьи является исследование структурно-семантических особенностей образа Другого в автобиографической прозе польского писателя Славомира Мrojeка, длительное время жившего во Франции и Мексике. Материалом данной статьи стали фрагменты из произведений: «Валтасар» в украинском [4] и русском переводе [3], «Дневник возвращения» [5], карикатуры писателя [7].

В избранных главах повести «Валтасар» в украинском журнале «Всесвіт» нас прежде всего привлекают впечатления и размышления Славомира Мrojeка о Мексике и Польше. Представленный текст насыщен событиями, датами и топонимами, что подробно маркирует не только места пребывания писателя, но и задает координаты его рефлексиям, дифференцирует для читателя образы стран, интегрированные в сознании автора.

В тексте Мrojeка мы находим подтверждение известному тезису о том, что познавая чужое пространство, мы лучше узнаем свое. Суммарные оценки родной страны, характеристика граждан, отдельные значительные события, обычаи производятся в процессе изображения чужого пространства. Постепенно возникает ощущение того, что отделенная пространством родная страна также теряет знакомые признаки. Покинув Польшу в 1963 году, автор отмечает, что знает о ней «все меньше», за двадцать семь лет, когда он время от времени приезжал на родину и через пятнадцать лет ему надо «заново узнавать страну» [4, 103]. Мнение писателя о своей стране постоянно меняется вследствие политических событий, но на желание вернуться на родину «навсегда» эти события никакого влияния не имеют. Именно в год, когда Польша стала свободной, писатель принимает решение поселиться в Мексике. На первый взгляд, избранное пространство кажется комфортным для автора: метафорой «мой дом» он обозначает не только жилище, еще недостроенное, но и поместье в целом. Он подчеркивает государственную принадлежность нового места жительства, употребляя испанское слово «hacienda», а не более распространенную, но менее

колоритную лексему «ранчо» (это название появится в тексте позже, уже после болезни автора). Однако оговорка касательно обнадеживающего будущего («будущее оказалось едва не смертельным» [там же]) выполняет в тексте роль антиципации и воспринимается как знак грядущей «перемены мест».

Длительное время, когда писателю сопутствовал творческий успех, он связывал свою жизнь только с Мексикой. Причины, вызвавшие решение об отъезде, в избранных главах остались без объяснений. Более понятным и мотивированным это решение представлено в «Дневнике возвращения», о котором в «Валтасаре» только упоминается [4, 103].

В «Дневнике» Мексика изображена как страна, где «европейские ценности не помогают выжить». Автор видит Мексику не столько в социокультурном ореоле, сколько природно-мистическом. В таком фокусе человек перестает быть властелином мира и не является необходимым условием жизни: «Руины в тропиках отличаются от руин Севера тем, что они полны жизни. Человек, правда, не принимает участия в этой жизни, но не похоже, чтобы жизнь страдала от отсутствия человека» [3, 233]. Собственно среди причин, побудивших к отъезду, одна имеет мистическую окраску, это «коллективный страх, неуверенность во всем, ожидание катастрофы» [3, 235]. Мрожек сознается, что такой страх он испытывал и в Польше до эмиграции: «Я излечился от него только в прекрасно устроенной и блаженной Западной Европе» [там же]. Такое противопоставление – между стабильной Европой и кризисными странами – в текстах Славомира Мрожека встречается неоднократно. Обычно оно касается не столько социально-экономических аспектов, сколько психологических и объединяет народы с похожей судьбой. Например, вопрос о страхе возвращения вызывает у писателя следующее обобщение: «Я не могу себе представить, чтобы французу, англичанину, немцу, австрийцу, швейцарцу или норвежцу, находящемуся в Мексике, задали вопрос, не боится ли он вернуться во Францию, Англию, Германию, Австрию, Швейцарию или Норвегию. Зато мне легко представить себе русского, белоруса, украинца, чеченца, даже румына, которого спрашивают, не боится ли он возвращаться на родину. Из этого следует, что поляки, осознанно или неосознанно, причисляют себя скорее к этим вторым, чем к первым» [3, 228]. Таким образом в тексте разворачивается базовая для имагологии бинарность «идентичность / непохожесть» [6, 244].

Создавая свой образ Мексики, автор, по собственному замечанию, смотрит на страну сквозь свое ранчо «La Epifania» [3, 244], то есть он обитает в пространстве Своего – «доступного и пребывающего во владении» (Рустам Шукуров), но вместе с тем, эта территория для него не родная. Для местных крестьян он Чужой. Однако для них не важна его национальность, они воспринимают его не в образе поляка, а гринго – для них он является воплощением образа не Своего, а Чужого. Кроме того, парадоксальным является и отношение самого автора к месту пребывания: Польша для него родная страна, но в нее он не собирался возвращаться, Мексику же он избрал для постоянной жизни: «Я ушел на Запад так далеко, как только мог. Мне предстояло остаться здесь навсегда, и меня это ни в коей мере не ужасало» [3, 229]. Таким образом, позиция эмигранта определяет для рассказчика обе страны – и Мексику, и Польшу – как мир не столько Свой, сколько «осваиваемый». Исследователи творчества писателей-эмигрантов называют такой прием «изображение Другого в окружении Другого» [1, 178]. В таком случае меняется и перспектива восприятия Другого / Чужого, и «переосмысливается предыдущий опыт» [1, 179], то есть создается видение Своего / Чужого. Подтверждением этому тезису в текстах Мрожека является постоянное сравнение польских и мексиканских обычаев, например, мексиканцы своим гонимом похожи поляков. Но практически рядом отмечается черта отличия, это – изысканная вежливость, манеры. Эти качества расцениваются автором как презентация идентичности Другого.

Полисемантические вербальные тексты Мрожека обретают сатирическую конкретность в его визуальных тестах – карикатурах. В изображениях, предельно схематизированных, прозрачно читается мысль «Все люди разные» [7, 231], а «этническая чистота» возможна только в потустороннем мире [7, 232].

Таким образом, создание полисемантического демократичного образа Другого является для польского писателя не столько конструированием собственной идентичности, сколько общечеловеческой гуманитарной перспективы: «Кто знает, может быть, пришедшая ко мне позднее жажда многообразия, мои эмиграция и путешествия, даже моя сегодняшняя Мексика и стали результатом того детского предчувствия, что за близью существует даль, той ностальгии по непознанному, но столь необходимому для человека» [3, 248].

Литература

1. Вознюк О. Еміграційна візія Іншого: теоретичний аспект // Вісник Львівськ. ун-ту. Серія філол. – 2008. – Вип. 84. – Ч.1. – С. 178-184.
2. Наливайко Д.С. Літературна імагологія: предмет і стратегії / Теорія літератури і компаративістика. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2006. – С. 91–103.
3. Мрожек С. Валтасар. Автобіографія. Фрагменти / пер. з польск. В. Климовского // Иностранная литература. – 2008. – №6. – С. 159-230.
4. Мрожек С. Валтасар. Автобіографія: фрагменти / пер. з польск. І. Пізнюк // Всесвіт. – 2014. – №1/2. – С. 102-112.
5. Мрожек С. Дневник возвращения / пер. з польск. Л. Бухов // Иностранная литература. – 2001. – №7. – С. 224-248.
6. Пажо Д.-А. Від культурних кліше до імажинарного / пер. з фр. В. Баняс // Літературна компаративістика. – 2011. – Вип. IV. – Ч. II. – С. 396-430.
7. Человек глазами Славомира Мрожека: карикатуры // Иностранная литература. – 2008. – №6. – С. 231-233.